

* * *

* * *

В этот красный день
ещё языческие прабабушки
моей Музы

негласно решили,
что через девять месяцев
под пение бакунцовских фазанов

должен появиться на свет
поэт их внучки.

И так как были они набожными,
то решили:

с райского древа
неупавшее на голову физика
последнее яблоко
бережно утаить под подолом

моей матери...

В августе восемьдесят первого
мой отец гнал тутовую водку...

Пока своё я замышляю древо,
любовь постится.
И зелены в моём стихотворенье

птицы...

* * *

Над кипящими танцующими водами
моления —

мои глаза, как города-растения,
где ночи пестиков

отвержены

лучистыми ресницами

стихотворения.

* * *

После каждой луны неполной,
перед каждой полной луной,

Эдуард Аренц, 1981 г.р., известный армянский поэт. Живет в Ереване (Армения). Окончил факультет востоковедения Ереванского государственного университета. Автор 10 сборников стихов. Его стихи опубликованы во многих армянских и зарубежных журналах и антологиях. Пятикратный лауреат премии (2007, 2009, 2011, 2013 гг.) в номинациях за лучший поэтический цикл и лучший перевод. Первая премия молодых поэтов Ирины Гюльназарян («Лучшая поэтическая книга года») за книгу «Летаргическая бдительность» (Ереван, 2013). Международная литературная премия «Петр Богдани» (2015), поэтическая премия (2015). Международная литературная премия «Дарданика» (2019, Бельгия). Стихи Эдуарда Харенца переведены более чем на 50 языков — он самый переводимый армянский писатель всех времен. В 2016 г. его книга *Life Lives Me* была опубликована в Бельгии, а в 2017 г. его книга «Летаргическая бдительность» была опубликована в Испании.

всплеск за всплеском

в моём дыханье,
вырастают вниз головой,
Отче, видишь: небелоснежной,
тёмно-белой розы шипы —
дни непрожитые твои.

ОДИССЕЯ

Съели стихотворение,
за чашкой кофе
выкурили тишину,
отдалились от Смерти,
пережевывая цвета и оттенки,
но все продолжаем поглядывать
на слово...

* * *

Слезинка больше всех
верит в Бога.
Она всегда посещает
церковь Надежды.

* * *

Знаю, однажды проснусь
после Тайной вечери,
обуюсь следами отца,
потрескавшимися,
словно маленькие кармашки,
наполненные безмерной любовью...
Сумеют ли мои дни
взвесить
эту невыносимую легковесность?..

ДИЛЕММА

В зеркалах
проливов и отливов
все видятся
в одной и той же позе...

Исполнительница за виолончелью
и беременная женщина...

* * *

Птица беспокойно
кружила вокруг клетки:
она оставила в ней
свою мечту о свободе...

ЦВЕТ

В мире сейчас — голодуха.
Повинуясь инстинкту
самосохранения,
сьедаю свою любовь...

* * *

День — надкушенный апельсин,
словно талия девушки...

Щенята от жажды
подохнут
зализывая свои артерии.

Подушка ангела
вспотеет под кожу сна.

И из треснувшей чашки слова
звонко выплеснутся
пупырышки света...

* * *

Есть такие женщины,
которые
лишившись девственности,
остаются столь же девственными...
Таковыми женщинами являются
все свечи...

* * *

Жизнь проживает меня
со всеми моими нюансами,
а я вращаюсь вокруг нее,
словно краска —
вокруг незнакомой кисточки.
Мои полотна дырявы,

* * *

словно японская монетка,
через которую поочередно
исчезают любимые женщины,
с удаляющимся перезвоном
моих прекрасных потерь...
И мои аплодисменты
весомей меня самого.
И поэтому я собрал их
на своей ладони,
словно помятые купюры,
и храню их для конца, для смерти,
чтобы заштопать ее маски,
которые однажды прохулятся,
словно мои полотна,
и я со звоном выплеснусь из них,
и жизнь продолжит проживать меня
со всеми моими нюансами...

* * *

Родовые схватки
матери поэта
всегда остаются
незавершенными.
Они всегда завершаются
рождением каждого нового
произведения
ее сына.

* * *

Сновидения плода –
вызревающие виолончели
ангельских судеб.

Маточный джаз...

SANSCRI(P)T(UM)

Молчание Твоё –
единственный незрелый пестик
смертности твоей.
Однажды расцветёт...

И обретёшь бессмертье.

Завтрашний день – Пётр
с розами в руках,
соблазнительный, как перевод.
Дневные слова –
кофе без материнского молока –
скользнут
сквозь горло Вселенной,
где будет торчать жёлтое

преображение

любви, словно обглоданные кости
вчерашней вечера,
подобно молитве раскаявшегося...
Пред водопадами света...
В зеленеющих водах реки
моей крови
рыбы крещают груди наяд...

* * *

С высоких деревьев далёкой
белизны
птицы поэтообразного цвета
молча выклёвывают
сны бодрствующего ангела,
из которых выпадают
заглавные буквы Света...
Глазницы космической пифии –
пара ковчегов-близнят
из синих косточек ската,
сидящих на бёдрах луны...
И прорастает зуб мудрости
у Водолея...

* * *

Меж красными,
красными,
красными твоими клятвами –
ангельские цвета
неохотно сеются дождями;
на тротуаре моей души дождь
расставляет вскрики
запятых и точек,

которые ты вдыхаешь
нынче
словно восклицания петуха...

* * *

Моё имя —
камень во сне Бога,
изукрашенный кривыми
зеркалами.
Сквозь световые рёбра
прозвенивает катаракта
моего Отца —
на моём языке...

* * *

Смерть — всего лишь перемещение;
сожалея, что никогда я не
умру, —
изучаю цветочный рай
на вратах ада...

* * *

Как гладкая таблетка финлепсина
вниз по голосовым связкам
поэта —
по космическим бёдрам Вселенной
проскальзывает
потерянный глаз Будды.

Пора половой зрелости
божьих оттенков...

* * *

Ради пестиков непроизнесённых
тобой слов
умалчиваю переносы —
к памяти твоей...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Тебя подпитываю
к белой бессоннице
ангела моего...

ИСИКАВА ТАКУБОКУ

На далёких окраинах смерти
после выборов
подушки тишины всегда
красны,
отчего и ангелам хочется спать.
А от шума рождающихся у них
сновидений
раздражаются верхние слои озона.
Пенящаяся белизна
наполняет дыхательные пути
космоса,
и Господь вдруг забывает
двадцать седьмой иероглиф
своей молитвы,
который падает и вертится,
как серьга,
на пупке Вечности...

* * *

Я сейчас
по одной срываю ресницы молчанья
и штопаю молитву мою,
что сорвалась с оттенков слов...
Сейчас оттенки значительней,
чем звуки...

И я уже
босиком вхожу в церковь Надежды,
чтоб звуки моих шагов
не отразились на судьбе моей.
Сколько следов растрескалось
от шорохов!

А мои следы —
обращённая к моей любви молитва,
которой нет конца,
потому что не раскрашивается
словом...

А теперь
важнейший цвет
сосредоточивается в том,
что любовь — поэзия чувств...